

АНАТОЛИЙ ПИПИЧ,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

ОКСАНА ПИПИЧ,

аспирантка кафедры истории и теории социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

**Социальные круги в свете концепции
социального опосредования
(Теоретико-методологический аспект)**

Abstract

The article presents an approach to 'social circles' concept from the position based on conception of 'social mediation'. Tracing origins of this conception up to Marks' and Tonnies' works, the authors draw a conclusion that 'social mediation' angle of vision may be useful as a guideline for application of operationalization procedure to 'social circles' concept. Such an approach open the door to elaboration of the concerned notion both in theoretical and in empiric projection. From this point of view, the authors analyse some relevant aspects of Tonnies' understanding of 'social circles' as well as heuristic potential of Moreno's socio-metrical analysis of interrelations within informal groups. The attempt to clarify theoretical and empiric characteristics of social circles is justified by reference to necessity of discrimination of direct and indirect human interactions. Moreover, the latter ones may be seen as mediated by things, on the one hand, and by human beings as intermediaries, on the other hand. This point to some extent determines the critical fervor of the article.

The authors also consider alteration of strategy of "social circle" empiric referents elaboration required in connection with understanding 'social circles' as 'social lines' associating and dissociating people in social space. In conclusions, there are summarized applications of offered approach to understanding of social circles regarding perspectives of their theoretical and empiric analysis.

Понятие “социальный круг” и проблема его операционализации

Социология пытается наращивать знания об обществе разными путями — посредством эмпирических и теоретических исследований. Необходимый элемент совершенствования этих средств — разработка и обогащение собственного понятийного и концептуального аппарата.

Распространенным образно-понятийным определением некоторого рода отношений между людьми является словосочетание “социальный круг”. Обобщая соответствующие явления общественной жизни, о которых мы обычно слышим в повседневном языке и в художественной литературе (“круг друзей”, “господствующие круги” и т.п.), это понятие в теоретических социологических исследованиях иногда приобретает терминологические признаки. Понятийный статус этого выражения, которое до сих пор чаще применяют скорее в образном, метафорическом значении, уже был предметом специального исследования (см., напр.: [1; 2; 3]). Но в основном смысловые коннотации понятия социального круга в разных теоретических концепциях мало похожи друг на друга, а потому не слишком пригодны и для эмпирических исследований.

Связано это, в частности, со сложностью применения к этому понятию процедуры операционализации, то есть нахождения эмпирически фиксируемых референтов и показателей, которые можно измерить и с определенной валидностью использовать для объяснения и понимания соответствующих социальных процессов и явлений. Не последнюю роль, очевидно, тут играет образная емкость этого словосочетания, очень разные ассоциации, возникающие в связи с ним, о чем уже говорилось в указанных выше публикациях. Впрочем, преодолевать эти трудности можно и нужно не только путем поиска как можно более адекватных эмпирических референтов данного понятия в рамках уже известных теоретических и методологических подходов. Необходимы также новые теоретические и методологические ориентиры, способные помочь по-иному подойти к самой операционализации.

Переход того или иного слова или понятия из повседневного языка в научный предполагает достижение определенной терминологической однозначности. И здесь недостаточно просто сослаться на его эмпирические референты. Нужно встречное движение со стороны теории — такие теоретические концепции, которые бы делали процедуру операционализации достаточно прозрачной и определенным образом обоснованной.

Например, в теоретической концепции Ф.Тенниса социальный круг фактически приобретает значение понятия, фиксирующего “социальные отношения”, возникающие между субъектами с необходимостью и произвольно, и таким образом, в соответствующем аспекте, противостоит понятию группы — целостности, образованной с определенной целью (подр. см.: [1]). Если социальный круг можно трактовать в этой концепции как некое естественное и потому спонтанное образование, то группу — как образование искусственное, обусловленное целевой причиной, целью тех, кто ее создает. Итак, решение проблемы операционализации указанного понятия можно здесь свести к поиску эмпирических референтов “естественного” и “искусственного” в человеческих отношениях или таких, которые бы свидетельствовали, условно говоря, о “естественности” такого образования, как социальный круг, и “искусственности” такого, как “социальная группа”.

В микросоциологии несколько похожая операционализация уже проведена. Речь идет о различении формальных и неформальных структур (групп), когда последние эмпирически удостоверяются посредством социометрической процедуры, заимствованной у Я.Морено. Здесь формальная структура определяется как обусловленная четко фиксируемыми (часто письменно) правилами, которые специально разрабатываются для того, чтобы эта структура выполняла некоторую целевую функцию, а неформальная — как прежде всего стихийно образованная структура. Последнюю представляют ментальные структуры личностных, в основном эмоционально окрашенных предпочтений (которые можно определенным образом измерить) в отношениях между членами формальной группы, о которой идет речь. Эти предпочтения эмпирически фиксируются как вербальные или реальные выборы по некоторым критериям. И хотя очевидно, что указанные выборы обусловлены прежде всего психологическими особенностями членов группы и имеют преимущественно эмоциональный характер, тем не менее, осуществляемые по определенным (выделенным исследователем) критериям, они позволяют выйти на структуры складывающихся сами собой взаимоотношений, в отличие от обусловленных фиксированными правилами (инструкциями). То есть можно выйти на взаимоотношения, так сказать, скрытые за обусловленными этими правилами отношениями. Часто, не будучи обусловлены целью, с которой создавалась та или иная формальная группа, они все-таки весьма существенно влияют на достижение указанной цели. Это делает анализ неформальных отношений в каждом конкретном случае еще и практически значимым, делая возможной оценку перспектив группового взаимодействия, а также оптимизацию взаимоотношений между людьми. Фактически социометрия как определенная эмпирическая процедура является одной из проективных методик, призванных обнаруживать скрытые социальные структуры посредством анализа преимущественно ментальных, эмоционально окрашенных структур.

Но попытка именно так верифицировать понятия “естественного” и “искусственного”, чтобы подойти — через понятия формальной (как предварительно заданной) и неформальной (как спонтанно возникшей) структуры — к исследованию возможного индивидуального, а через нее и группового поведения членов такого социального образования, как “малая группа”, наталкивается на теоретические трудности. Во-первых, мы вынуждены специально обосновывать фактическое отождествление ментальной и реальной структуры взаимоотношений, вербального и реального выбора. Во-вторых, мы должны анализировать групповое поведение как совокупность индивидуальных поведений, выполняемых ролей, засвидетельствованных спонтанными выборами партнеров, хотя понятно, что любая “социальная роль” имеет наряду с условно “формальным” и содержательный компонент, который не может быть представлен только как спонтанный выбор. В-третьих, в тени часто остается так называемый эффект “синергии”, безусловно влияющий на характер взаимных выборов. Наконец, к теоретическому основанию указанной процедуры относится отождествление так называемого естественного поведения со спонтанно-эмоциональным поведением индивидов, а “неестественного” — с поведением сугубо рационально-программируемым. И хотя подобное отождествление имеет определенные основания, особенно в отношении поведения индивидов в малых, или “атомарных” (как их называет Морен), социальных образованиях, применительно к социальным структурам, созда-

ваемым посредством не прямых отношений, данное отождествление требует существенных уточнений, поскольку речь идет о сложном взаимодействии формальных и неформальных отношений между людьми.

Поэтому в методологическом аспекте мы сталкиваемся с упрощениями, нередко чрезмерными, когда так называемая формальная структура рассматривается как “неестественная”, или “искусственная”, хотя понятно, что в любом случае мы имеем дело именно с человеческими, социальными структурами, в которых рациональный компонент так или иначе, но присутствует наряду с эмоциональным и в сложной взаимосвязи с ним, прямо влияя, в том числе, на статусные взаимоотношения. Примером тут служит невозможность определения статуса (формальный он или неформальный) парторга малой производственной группы в организациях, предприятиях бывшего Советского Союза.

И первое, что здесь дает о себе знать, — это совпадения и различия концептуальных теоретических позиций Я.Морено и Ф.Тенниса и настроенность их обоих на конкретную социальную модель отношений. Не останавливаясь на этой непростой проблеме, отметим только, что Теннис разрабатывал свою концепцию “общности” (“Gemeinschaft”) и “общества” (“Gesellschaft”) во времена, когда еще был весьма распространен образ общества как органической целостности, сформировавшийся не без влияния эволюционной концепции Г.Спенсера, которая, в свою очередь, опиралась на разные новоевропейские учения о “естественном” как целом.

Концепция Тенниса, казалось бы, тоже построена на противопоставлении (в чем-то очень напоминающем раннего Маркса) “органических” (в “общности”) и “неорганических (механических)” (в “обществе”) отношений между людьми. То есть речь идет о противопоставлении того, что возникает и воссоздается само по себе, тому, что создают люди в масштабах целого “общественного организма”. А это далеко не прямо совпадает с Мореновым толкованием человеческого поведения, которое четко противопоставляет социометрический микроанализ любому макроанализу, включая марксистский.

Морено исходит из определенного понимания отношений между людьми, строящихся, прежде всего, спонтанно через микровзаимодействия, а не детерминирующихся общей, скажем, экономической структурой общества. И уже изучение этих микропроцессов, которые он сравнивает с изучением строения атома, становится основой “лечения” общества в целом путем отлаживания взаимодействий в малых группах и между этими группами, так сказать, уже на “молекулярном уровне”. Для Морено принципиально то, что микровзаимодействия являются спонтанными процессами притяжения и отталкивания людей, их симпатий и антипатий. Источником того, что Морено называет “социальной спонтанностью”, выступает прежде всего эмоциональная составляющая человеческих взаимоотношений.

В предлагаемом Теннисом категориальном контексте “социальные круги”, как и “семейные отношения”, попадают в разряд “органических” отношений — которые тоже не создаются людьми с определенной целью, а возникают сами собой, как “естественные” целостности, однако эмоциональной составляющей они отнюдь не ограничиваются. Ф.Теннис — последователь, в определенном смысле, не только Маркса, но и А.Шопенгауэра — пытается подвести под указанное различие другую, еще менее пригодную для поисков эмпирических референтов, теоретическую почву. Рассматривая “единство индивидуальных человеческих волей” как результат “взаимно-общей

объединяющей настроенности”, или “воли общности”, он именно этим обосновывает согласование (консенсус) этих индивидуальных волей в “общности”. Саму же “волю” он рассматривает в двойном значении, как “сущностную” (Wesenwille) и как “избирательную” (Kürwille). Первая — это “воля, в которой содержится мышление”, а вторая — это “мышление, в котором содержится воля”. И в этом, втором, смысле на первый план выходит именно мышление как способность к конструированию, которое и обуславливает искусственное, механическое объединение волей в “общество” [4, с. 93–147].

То есть в действительности, чтобы отличить “естественные” единства людей от “искусственных”, по Теннису, в каждом частном случае приходилось бы искать эмпирические референты к “сущностной” и “избирательной” воле, которые, каждая по-своему, обуславливают эти единства — с одной стороны, единство, возникающее по законам природы, а с другой — рационально (разумно) построенное. Различение формальной и неформальной малой группы лишь частично и весьма примерно схватывает указанное различие “волей” как основу отличия “естественного” и “искусственного”. Хотя, безусловно, когда мы говорим о “естественности” тех или иных отношений между людьми, спонтанность и теоретически, и практически может быть интерпретирована в качестве главной характеристики именно (условно говоря) “естественных связей” в отличие от (не менее условно обозначенных) “искусственных”.

Однако здесь возникает и более общий вопрос: может ли вообще указанный выше теоретический концепт “естественности” человеческих взаимоотношений приобретать достаточно четкую эмпирическую определенность, оставаясь теоретически непротиворечивым, и наоборот? Можно ли вообще понимать общество (а, согласно Теннису, это как раз его, в определенном смысле, антипод — “общность”) как структуру, которая возникает и может продолжаться существовать лишь сама по себе, без вмешательства, постоянной поддержки более или менее осознанными человеческими действиями? А именно таковы “естественные органические целостности”.

Деятельностный подход и “прямые” и “непрямые” человеческие отношения

Концептуально едва ли не самой важной особенностью не только позиции Тенниса, но и большинства нынешних подходов к проблеме социального является ссылка на то, что люди вступают в отношения между собой именно как действующие индивиды. Из этого фактически исходит и Морено. Однако, помимо того, что действия этих индивидов чем-то обусловлены (то ли потребностью, то ли целью, то ли их индивидуальной или “общей” волей), действия эти рассматриваются как имеющие также определенные более или менее скрытые смыслы, выяснение которых, с точки зрения соответствующих концептуальных подходов, и определяет содержание научного социологического исследования. Но при этом опять-таки оказывается, что человеческую ментальность очень сложно на эмпирическом уровне операционально разложить на эмоционально-волевую и рационально-волевую составляющие, рассматривать иначе, чем определенное единство целе-рационального и эмоционально-спонтанного компонентов. Веберовская “понимающая социология” и другие, более современные концепции общества, так или иначе опирающиеся на различение этих составляющих, не могут избежать теоретических несогласованностей.

В целом все попытки провести не только на эмпирическом, но и на теоретическом уровне границу между образованными посредством целенаправленных, целе-рациональных действий структурами и образующимися посредством действий случайно-спонтанных, эмоционально обусловленных, заводят теорию в тупик. Например, рыночные экономические отношения, которые чаще всего, когда это касается индивида, рассматриваются как имеющие преимущественно целе-рациональный характер, в совокупности, как массовое явление, проявляют себя как случайно-спонтанные. Зато любая попытка добиться целе-рационального преобразования общества как целостности в определенном направлении (например, в попытках культивировать коммунистические отношения или, наоборот, внедрить рыночные) наталкивается на проблему эмоционально-волевого обеспечения этих преобразований на уровне спонтанного действия каждого отдельного индивида и малых социальных групп. Здесь, в частности, критика со стороны Морено марксизма весьма уместна.

Сказанное, разумеется, не предполагает, что таким образом обозначенные понятия (общности и общества, естественной и искусственной социальной структуры) становятся эмпирически и теоретически бессодержательными. Исходя из определенного содержания этих понятий в рамках соответствующих теоретических концепций, их, по типу любых других понятий, конечно с некоторыми потерями, прямо или косвенно можно операционализировать, учитывая цели того или иного эмпирического исследования. Сделать это можно, правда, только через определенную интерпретацию, всегда более или менее удачную. Пример этого приведен выше в отношении формальной и неформальной малой социальной группы.

Впрочем, понятно также, что указанные понятия естественного и искусственного образования (естественной и искусственной структуры) следовало бы рассмотреть в контексте такой теоретической концепции, в границах которой они получили бы менее противоречивое и более прозрачное содержание, чем то, которое предлагает различение эмоционально-волевой (как спонтанной) и рационально-волевой (как определенным образом обусловленной извне) сфер человеческого поведения. Очевидно, что рациональное поведение не только внешне обусловлено в противовес эмоциональному, являющемуся как бы спонтанным, но имеющим и внутренние побудительные мотивы.

Лишь избежав указанных выше противопоставлений в качестве категориальных, можно надеяться, что конкретное эмпирическое исследование, к примеру “социальных кругов”, кроме сугубо прикладного может иметь и теоретическое значение. При этом понятно и то, что (учитывая современный идеал научного знания) только через эмпирическую определенность рассматриваемые теоретические положения могут получить подтверждение или опровержение, быть верифицированы или фальсифицированы.

Во всяком случае имеет значение контекст, в котором рассматриваются в тех или иных концепциях “природные” и “искусственные”, “эмоционально” и “рационально” обусловленные, “ментальные” и “реальные” социальные акты, а за ними и определенные социальные образования. Именно от этого контекста зависит выбор путей их операционализации. У Тенниса сложность решения этого вопроса связана с его общей теорией общества, в которой дихотомия “естественного” и “искусственного” присутствует, хотя и как определяющая, но скорее неявно, по типу “метафизической предпо-

сылки”, которая сама является результатом определенным образом интерпретированной философской позиции, в частности подхода А.Шопенгауэра. И лишь обнаружив эту предпосылку как методологическое или онтологическое основание теории, мы получаем ориентиры возможной разработки процедуры верификации или фальсификации самой этой теории.

Из сказанного становится понятным, что, имея целью получение научно-го знания об обществе, прежде чем продолжать поиск путей операционализации интересующего нас понятия “социальный круг”, желательно было бы отойти от дихотомии “естественного” и “искусственного”, “эмоционального” и “рационального” как категориальных различий. Это позволило бы придать им такую концептуальную определенность, в рамках которой они бы утратили значение метафизических оснований теории общества, что значительно упростило бы эмпирическое определение того, что условно можно обозначить как “естественное” и “искусственное”, “эмоциональное” и “рациональное” в человеческом поведении и человеческих отношениях.

Возможность подобной интерпретации человеческих отношений, когда указанные выше дихотомии, попадая в принципиально иной теоретический контекст, перестают играть роль неявных оснований в построении социальной теории, обеспечивает концепция “социального опосредования” (см.: [5; 6; 7; 8]). Эта концепция исходит уже из несколько иного категориального различения отношений (или взаимоотношений) между людьми — прямых и непрямых, непосредственных и опосредованных либо опосредствованных.

Указанное выше разведение типов человеческих отношений имеет определенные предпосылки в истории теоретической социологической мысли. Например, в ранних произведениях К.Маркса и у Ф.Тенниса можно встретить попытки, избавившись от дихотомии “естественное — искусственное” или “эмоциональное — рациональное”, выделить названные выше типы человеческих взаимоотношений, хотя ни у Маркса, ни у Тенниса (в доступных для нас публикациях его произведений) речь не идет о концептуальном характере такого различия.

Когда Маркс (еще тогда под влиянием Л.Фейербаха) пытается обозначить разные формы коммунизма (напомним, что первый подзаголовок основного произведения Тенниса был такой: “О коммунизме и социализме как эмпирических формах культуры”) как в некотором смысле возвращение людям их непосредственно-человеческих отношений, он подчеркивает, что, с одной стороны, в обществе мы уже имеем “непосредственное, естественное, родовое” [9, с. 107] отношение человека к человеку, а с другой — отмечает: “Общественная деятельность и общественное пользование существуют отнюдь не только в форме непосредственной коллективной деятельности...” [9, с. 109]. То есть помимо непосредственных, “природой человека” обусловленных общественных отношений, скажем, семейных, можно, по его мнению, выделить и другие — опосредствованные общественные отношения, например денежные. “Но то, — пишет далее Маркс, — что опосредствует мне мою жизнь, опосредствует мне и существование другого человека для меня” [9, с. 134–135]. Таким образом, поскольку существует опосредствование, то среди человеческих отношений, по Марксу, можно выделять непосредственные (собственно природно-человеческие) отношения и опосредствованные отношения, влияющие на них. Последние — это непрямые отношения между людьми, то есть предполагающие вовлеченность в них данных вещей — скажем, орудий труда, товаров или таких их заменителей, как деньги.

Позднее, уже в ином контексте, чем-то похожее различие фиксирует Ф.Теннис, когда, например, в начале известной статьи “Общество и общность” (*Gesellschaft und Gemeinschaft*), написанной специально для словаря по социологии, отмечает: “Каждый из нас живет во множестве связей и отношений с другими людьми — непосредственных и опосредованных” [10, с. 216]. В дальнейшем, к сожалению, сам Теннис оставляет эту констатацию без специального теоретического анализа.

Заметим, что в приведенных выше цитатах из Маркса и Тенниса сохранены особенности русского перевода с немецкого: в одном случае употреблено слово “опосредствование”, которое в украинском мы употребляем как “опосередкування”, а в другом случае “опосредование” — на украинском языке “опосереднення”. Действительно, в каком-то смысле эти слова близки и даже тождественны по значению, но в теоретическом аспекте рассмотрения проблемы непрямых человеческих отношений данное формальное отличие указанных слов-синонимов как в украинском [11, т. 5, с. 725], так и в русском языке позволяет подчеркнуть и терминологически закрепить на концептуальном уровне принципиальные различия подхода к характеристике этих типов человеческих взаимоотношений или отношений людей, обозначив их терминами “опосредствование” и “опосредование”.

Касательно первого слова (укр. “опосередкування”, рус. “опосредствование”), то его нужно употреблять скорее тогда, когда речь идет о непрямой связи людей, связанной с использованием вещей-средств (“посредством”) или их заменителей, тогда как второе — преимущественно тогда, когда та же непрямая связь осуществляется с помощью людей-посредников или их субститутов. Поэтому, когда мы используем вещи или людей в качестве вещей (или нас используют как вещи), нужно употреблять термин “опосредствование”. Тогда же, когда мы имеем дело с людьми, как с людьми, а не вещами (и с нами имеют дело как с людьми, а не с вещами), следует употреблять термин “опосредование”. Иначе говоря, насколько можно концептуально различить термины “средство” и “посредник”, настолько же отличными по содержанию становятся слова “опосредствование” и “опосредование”.

Поэтому можно предположить, что Маркс и Теннис говорят, собственно, о разном: первый — об опосредствовании вещами отношений между людьми, тогда как второй — о посредничестве людей в отношениях с другими людьми. Хотя когда речь идет о “коммунистических отношениях”, они, очевидно, оба имеют в виду именно непосредственные отношения — прямые отношения между людьми, распространяя это понимание человеческих взаимоотношений на общество в целом, что, попутно укажем, приводит к существенным теоретическим трудностям. Именно преодолевая эти трудности, Теннис концептуально разводит “общность” и “общество” (*Gemeinschaft* и *Gesellschaft*). Маркс, со своей стороны, имея в виду непосредственные отношения людей в масштабах общества, говорит о “непосредственном обмене человеческими деятельностью”. Это фактически означает “непосредственное опосредование”, поскольку обмен всегда, так или иначе, связан с непрямыми отношениями между людьми, когда через посредничество других мы получаем то, что нужно нам. Другое дело, что Маркс рассматривает людей как по своей сути “деятельностных” существ, а потому и процесс деятельности у него субстанцируется. Тогда “непосредственный обмен деятельностью” — это скорее образное выражение в отношении определенной “общественной формы” (по Марксу), являющейся воплощением

человеческой сущности как таковой. Морено, в свою очередь, сводит все отношения в обществе к непосредственным, из-за чего вынужден, хотя бы условно, уже в этих пределах различать фактически “прямые” и “непрямые” (последние он обозначает термином “теле”) взаимоотношений людей.

Концепция “социального опосредования”, напротив, подчеркивая указанное отличие, исходит прежде всего из того, что если люди как-то связаны между собой, то эта связь может быть прямой и непрямой. Поэтому существуют две категории, два типа отношений между людьми — прямые (непосредственные) и непрямые (опосредованные или опосредствованные). Но, кроме этого, в рамках последних (непрямых) различаются, с одной стороны, отношения опосредования, а с другой — опосредствования.

Тогда как непосредственные отношения и связи людей “образуются” и корректируются в ситуациях пребывания людей, так сказать, с глазу на глаз (“face to face”), опосредованные и опосредствованные — это такие связи и отношения между людьми, которые возникают и корректируются через посредничество других людей или вещей и могут быть охарактеризованы как находящиеся в силу их непрозрачности, как бы “за спиной” или “за кулисами”; их сложно, а то и невозможно непосредственно проконтролировать или скорректировать (а если можно, то только непрямо, через чье-либо посредничество), на них трудно, а то и невозможно прямо, непосредственно повлиять. “Социодрама” Морено — один из возможных методов такого влияния.

Формирование того, что здесь названо “опосредственными отношениями”, фактически в идеале делает всех людей посредниками (медиаторами) во взаимоотношениях с другими людьми. Похожую мысль можно найти в интерпретации Ю.Хабермасом социальной концепции Гегеля, который, согласно Хабермасу, каждое отдельное “Я” (“самосознание”) рассматривает фактически как некоего “абсолютного посредника” в коммуникации с другими субъектами [12, с. 12]. В частности, люди всегда являются посредниками (медиаторами) между их ближайшим человеческим окружением и другими людьми. И наоборот, ближайшее окружение — это те люди, которые являются нашими посредниками в отношениях с остальными. Предварительно заметим, что понятие “социальный круг” можно рассматривать как определенное обобщение по отношению к типу человеческих отношений, которые мы называем ближайшим окружением, но с той особенностью, что это понятие характеризует именно окружение более отдаленное, а потому касается также непрямых, не непосредственных отношений.

То, что непосредственные отношения эмоционально более насыщены, вытекает из их природы, поскольку они возникают, когда люди находятся с глазу на глаз, “face to face” — в частности, являются близкими между собой людьми. В отличие от этого отношения опосредствованные и опосредованные — это такие типы непрямых отношений между людьми, которые определяются, с одной стороны, наличием в этих отношениях вещей или того, что имеет признаки вещи, используется как вещь, или, с другой стороны, наличием людей-посредников. Разумеется, до функции вещи могут сводиться в отношениях между людьми и сами люди. Но понятно также, что тогда они выступают не посредниками, а средствами или орудиями в руках других. В первом случае мы имеем дело, как правило, с “произвольными” (возникающими спонтанно) отношениями между людьми (именно как людьми), а во втором — с отношениями “целесообразными” (обусловленными целью).

Второй тип непрямых отношений, или отношений опосредствования, становится основой создания так называемых социальных машин, которые должны стать предметом специального рассмотрения [см., напр.: [13]. Что же касается таких образований, как социальные круги, то они, безусловно, не могут быть охарактеризованы как отношения опосредствования, поскольку вещи как фактор их формирования играют второстепенную роль. Социальные круги образуют прежде всего люди в непосредственном общении, но в этом случае дело не ограничивается этими, прямыми (непосредственными) отношениями.

Здесь важно еще раз подчеркнуть, что характер отношений между людьми существенно изменяется в зависимости от того, с чем мы имеем дело — с опосредствованием или опосредованием — тот, кто выполняет функцию вещи, средства, фактически выпадает из сферы сугубо человеческих отношений, отношений людей как посредников. Правда, нужно заметить, что возможно и противоположное — люди к вещам могут относиться так, будто они имеют дело с людьми, когда отношения с вещами являются суррогатами человеческих взаимоотношений, а сами вещи очеловечиваются, антропоморфизируются. (В частности, нередко очеловечиваются отношения с животными.) В таком случае, разумеется, можно говорить только о “суррогатном, или эрзац-опосредовании”. Не случайно целая отрасль социологии как науки делает предметом исследования именно вещные отношения [см., напр.: [14].

Отдельно следует сказать о таких непрямых отношениях, в которых средствами или посредниками являются знаки или язык. Они также могут приобретать характер либо опосредования, либо опосредствования. Когда это обоюдная связь, где знак удостоверяет одного человека для другого человека и может рассматриваться в качестве послания от человека к человеку, то можно говорить об опосредовании. Если же речь идет об односторонней связи, когда знаком пытаются повлиять на человека так же, как и на вещь, выполняющую функцию средства достижения определенной цели, то связь эта приобретает характер опосредствования, связанного, в том числе, и с манипулятивными технологиями влияния на людей с использованием знаков или языка.

Теоретическая концепция “социального опосредования” и пути поиска эмпирических референтов понятия “социальный круг”

Бесспорно, в отношении представленной выше концепции “социального опосредования” могут возникнуть вопросы, связанные с вхождением ее в теоретический арсенал социологии или социальной психологии. Впрочем, именно в психологии уже созданы для этого определенные теоретические и эмпирические предпосылки. Можно вспомнить хотя бы сформулированную Дж.-Г.Мидом концепцию “символически опосредствованной интеракции” (как ее называет Х.Йоас [15, с. 147]). Но прежде всего следует сослаться на концепцию “деятельностного опосредствования”, которая весьма плодотворно разрабатывалась советской психологической школой (Л.Выготский, С.Рубинштейн, А.Леонтьев, П.Гальперин, А.Петровский, Л.Буева, Я.Коломинский и др.), хотя и в пределах марксистских мировоззренчески-методологических оснований. Не затрагивая мировоззренческой почвы, но определенным образом подытоживая разработки методологических аспектов указанного направления психологических исследований, французский психолог Дж.Верч делает вывод: “Самое главное, на что я хочу указать, — это то, что

в человеческом действии обычно используются “медиаторы”, или промежуточные средства, такие как орудия или язык, и что они существенно влияют на формирование действия. Согласно такому взгляду, не только возможно, но и необходимо провести аналитическое различие между действием и медиаторами, но взаимосвязь действия и медиаторов настолько фундаментальна, что, говоря о субъекте действия, правильнее говорить об “индивиде-действующем-с-помощью-медиаторов”, а не просто об “индивиде” [16, с. 21–22].

Но, рассуждая так и проводя вслед за Дж.Верчем “аналитическое различие между действием и медиаторами”, не менее важно иметь в виду и концептуальное различие самих медиаторов. Поскольку такими медиаторами в человеческих отношениях могут выступать не только орудия или язык, а и люди (как раз как люди во всей своей не только психосоматической, но и социальной определенности, а не как вещи или знаки), начинает вырисовываться в ее теоретических (а через соответствующую интерпретацию и эмпирических) основаниях “**концепция социального опосредования**”. Но в ней процесс, который Верч связывает с субъектом, как “индивидом-действующим-с-помощью-медиаторов”, будет определяться в зависимости от того, о каких медиаторах идет речь — вещах или людях, — как опосредствование или опосредование.

Здесь нужно заметить, что и сам Маркс, и исследователи, ориентировавшиеся на марксизм, уделяли и уделяют недостаточно внимания указанному выше принципиальному различию концептуальных схем опосредствования и опосредования, то есть различию, с одной стороны, процесса, в котором происходит опосредствование вещами (или заменяющими их знаками), а с другой — опосредование людьми (или заменяющими их знаками) человеческих взаимоотношений, когда люди именно как люди (знаки людей), а не как вещи (знаки вещей) выступают посредниками в процессе общения. Фактическое отождествление опосредствования и опосредования, хотя не всегда явное, — характерная особенность многих исследований, прямо связанное с некоторыми общетеоретическими принципами марксизма. Не вдаваясь в полемику с марксизмом по этому поводу, заметим, что сегодня вряд ли нуждается в развернутых обоснованиях тезис о том, что люди как медиаторы ведут себя иначе, чем медиаторы-вещи или медиаторы-знаки, требуя соответствующего отношения к себе как к людям.

Что касается психологических исследований, опирающихся на концепцию “социально-исторической обусловленности психики”, то в них вообще, за некоторыми исключениями, основное внимание уделяли опосредствованию, осуществляемому в человеческой деятельности через соответствующие ментальные акты, а не через собственно вещи или людей. То есть между действием и медиатором как раз и не проводится то аналитическое различие, на необходимости которого настаивает Дж.Верч. Скажем, говорят об опосредствовании, имея в виду, что “представление о цели опосредствуется представлением о средствах достижения этой цели”, как и наоборот. Несколько иначе выглядят концепции, в которых речь идет об опосредовании действий отдельного человека его представлениями о “другом” (о другом человеке) — пожалуй, наиболее интенсивно разрабатываемое сегодня в разных социальных теориях представление. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Нередко, когда говорят о “деятельностном опосредствовании” — в том смысле, что посредниками в действиях одних людей являются действия других людей, — эти другие хотя и рассматриваются как действующие (то есть

как действующие лица), их действия, а значит, и они сами сводятся преимущественно к средствам (точнее, они не отличимы от средств) достижение определенной цели, иначе говоря, получает толкование по концептуальной схеме опосредствования, а не **опосредования**. Это делает очевидным влияние соответствующим образом истолкованного марксизма как концепции, в которой доминирует деятельностный подход с его концептуальной схемой “цель — средство”. Определенным шагом на пути к преодолению доминирования этой концептуальной схемы является теория “коммуникативного действия” (Ю.Хабермаса), конкретные преимущества и недостатки которой также требуют специального анализа, выходящего за рамки данной статьи.

Но в постсоветской литературе имеются попытки и более прямолинейного, а значит и более показательного рассмотрения опосредования по методологической схеме опосредствования, когда фактически не различаются “произвольные” и “целесообразные” общественные структуры, то есть свободные от внешнего принуждения и потому возникающие спонтанно, от тех, которые обусловлены целью общего действия и имеют в основном скрытый или явный, но принудительный характер. Речь идет чуть ли о первой попытке рассмотрения структур непрямых человеческих отношений в одном из учебных пособий по психологии отношений в обществе [17]. Автор пособия пытается построить концепцию “опосредования” (как он пишет) взаимоотношений людей, исходя из общефилософской предпосылки: “Функция опосредования существенно отличает человека от животных: животное делает все непосредственно, само, а не чужими усилиями. И оно же на себе ощущает ответ-противодействие объекта своего воздействия” [17, с. 235]. На этом основании автор считает животных, за исключением так называемых общественных, пчел, муравьев, термитов и т.п., “большими индивидуалистами, чем люди”.

Опираясь на концептуальную теоретическую схему “цель—средство”, автор этой книги говорит о властной иерархической структуре неравноправных, целесообразно выстроенных человеческих взаимоотношений, и наиболее адекватным аналогом такой структуры для него становится государственный механизм, в основу которого положен, как он пишет, принцип: “делать не своими, а чужими руками”.

Первое, что бросается в глаза в приведенном выше концептуальном построении, — это выражение “чужими руками (усилиями)”. За ним стоит весьма яркий образ общества, в котором почему-то полностью отсутствуют “свои” люди, то есть дружественные, товарищеские, родственные и вообще характеризуются произвольностью (необусловленностью извне, спонтанностью) отношения, в частности человеческая близость. Однако характерной особенностью последних является именно то, что когда мы как бы действительно что-то “делаем руками” другого (но чаще всего не “чужого” нам человека), то не обязательно речь может идти об использовании его исключительно как средства. В основание этих отношений полагаются, как правило, взаимные внутренние побуждения, а не внешнее принуждение. Здесь мы имеем дело даже не с обоюдным обменом, когда каждый достигает своей цели, а с взаимодополнением внутренних мотиваций. Э.Дюркгейм называл такие отношения “социальной солидарностью” (правда, в ином теоретическом контексте). Здесь воспроизводится принципиально иной характер отношений — отношений прямых, непосредственных или непрямых, опосредованных, но произвольных, а не целесообразных, то есть опосредствованных. Относительно “социальных кругов” стоит подчеркнуть, что по сво-

им характеристикам они собственно и есть такими образованиями, которые возникают на произвольных основаниях, спонтанно, хотя не являются, преимущественно, построенными на непосредственных отношениях.

Здесь важно сделать ударение на том, что отношения, характерные, в частности, для социальных кругов, строятся без внешней регламентации, не только по согласию, но при содействии тех, кто вступает в такого рода отношения, ибо речь идет о роли посредника, а не функции средства. Если “чужого” можно приравнять к вещи, то “свой” (человек из своего социального окружения, из своего круга — это обычно “свой человек — посредник” (по определенному жизненному параметру), к которому мы можем обратиться с просьбой (или принять его предложение), надеясь на человеческое (такое же произвольное) отношение к нам, например, на его помощь, и относимся мы к этой помощи как к проявлению человечности, когда нормой становится не придавать значения невыгодному соотношению выгоды и затрат.

Что касается приведенного в упомянутом выше пособии по социальной психологии подхода, отождествляющего опосредование с опосредствованием в человеческих отношениях, заметим также, что его автор все-таки употребляет слово “опосредование”, хотя у него речь идет собственно об “опосредствование”, пусть даже средствами, или орудиями достижения определенной цели здесь служат не вещи, а сами люди. Итак, подытожим:

1. Такой подход не учитывает того, что эту же форму отношений (“опосредования — опосредствования”) можно рассматривать не только в “вертикальном” срезе, как это делает автор, но и в “горизонтальном”, когда не прямые отношения (опосредования или опосредствования) не предполагают иерархии. (Социальные круги как раз и являются разновидностью горизонтально-опосредованных взаимоотношений между людьми. Не случайно в указанной концепции такого рода отношения вообще не упоминаются). В рамках таких неиерархических отношений люди или вообще не становятся средствами, играя роль посредника (то есть взаимопосредуют друг друга), или, становясь средствами друг для друга, являются все-таки более или менее равноправными партнерами (например в процессе обмена).

То есть автор, не различая опосредования и опосредствования, произвольных и целесообразных взаимоотношений, сводит все отношения к вертикально выстроенным. Ссылаясь на разделение труда как результат “опосредования”, он оставляет без внимания то, что то же самое разделение труда происходит как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Впрочем, это закономерно, поскольку именно вертикальный срез не позволяет увидеть различие опосредования и опосредствования, произвольных и целесообразных взаимоотношений между людьми.

2. Автор не учитывает сложной взаимосвязи опосредованных (опосредствованных) и непосредственных человеческих отношений. Он почему-то вообще не считает непосредственные отношения человеческими. Хотя понятно, что в обществе присутствуют элементы как тех, так и других (это отображено, например, в концепции “близкого” и “дальнего” окружения А.Шюца и Т.Лукмана [см.: 18, с. 483–491]. Но здесь речь идет лишь об “идеальных типах” (по М.Веберу) этих отношений, между которыми не существует абсолютной онтологической границы.

Что же касается концептуального рассмотрения “непосредственных” и “опосредованных” отношений, то простота интерпретации их с привлечением наглядных иллюстраций — первых как отношений “с глазу на глаз” (“face

to face”), а вторых как отношений, возникающих “за кулисами”, — не является достаточным основанием, чтобы придавать им буквальный онтологический смысл, а тем более считать сущностно человеческими лишь не прямые отношения. Прежде всего следует говорить о категориальном различении определенных типов отношений между людьми. Иными словами, прямые и не прямые, непосредственные и опосредованные (опосредствованные) отношения — это отношения, имеющие определенные типичные черты, на основании которых мы концептуально различаем характер тех или иных реальных взаимодействий, имеющих те или иные черты. Их действительно можно увидеть как бы невооруженным глазом, что облегчает и поиски их эмпирических референтов. Но это не значит, что в каждом частном случае конкретного эмпирического социологического исследования человеческих взаимоотношений нет необходимости посредством специфической эмпирической процедуры подтверждать их принадлежность к тому или иному типу, поскольку существуют и такие человеческие взаимодействия, что без специальных методических средств (полагаясь только на очевидное) отнести их к непосредственным или, наоборот, опосредованным, а тем более отличить последние от опосредствованных, будет сложно, а то и невозможно. В качестве примера вспомним “непосредственный” обмен товарами, который часто происходит вроде бы с глазу на глаз, но фактически и прежде всего представляет собой отношения взаимного опосредствования, как и большинство обменов.

3. Основной недостаток приведенных выше постановки и решения проблемы “социального опосредования” состоит в том, что само опосредование рассматривается как сугубо деятельностное, то есть с методологических позиций “деятельностного подхода”, а потому только с позиции целесообразности, как “субъект-объектное” отношение в рамках концептуальной схемы “цель–средство”.

Таким образом, автор, полагая в основание человеческих взаимоотношений и в целом социальных отношений целесообразное человеческое действие, деятельность, характеризует их лишь как взаимодействие людей между собою. Поэтому люди, в рамках такого понимания их взаимоотношений, выступают друг для друга никогда не посредниками, а всегда средствами достижения той или иной цели. Намерения преодолеть ограниченность такого подхода еще в рамках “союзной” психологической школы вылились в попытку противопоставить так называемому деятельностному подходу (или субъект-объектной концептуальной схеме) подход, основанный на ином концепте, а именно на “общении” или “субъект-субъектной” концептуальной схеме (см., напр.: [17]).

Приведенный пример теоретического рассмотрения не прямых человеческих отношений, являющихся характерной особенностью социальных кругов, доказывает, что вопрос об эмпирических референтах, с одной стороны, непосредственных, а с другой — опосредованных и опосредствованных человеческих отношений не всегда прост. К примеру, характерной особенностью непосредственных отношений, в отличие от опосредованных, а последних — от опосредствованных является соответствующее “видение” их теми, кто в них участвует, кто может или не может на них непосредственно влиять (самим своим присутствием или иным образом) как исполнитель определенной роли, например, в границах соответствующего социального круга. Возможность повлиять на те или иные взаимоотношения, изменив

их, делает их освоенными, а людей, имеющих такие взаимоотношения, — своими, даже если они не относятся к самому ближайшему окружению.

Однако очевидно, что прозрачность любых понятий, в частности обозначающих прямые и непрямые отношения, отношения опосредования или опосредствования, не может быть полной, с точки зрения применения процедуры операционализации. Впрочем, по сравнению с задачей поиска эмпирических референтов теоретического различения в обществе так называемых естественных и неестественных (искусственных) отношений, первая задача становится намного легче. Что же касается теоретических аспектов рассмотрения такого феномена, как социальный круг, то можно надеяться на менее противоречивую и наглядную их интерпретацию.

Оставив на заднем плане дихотомию “естественное — искусственное”, в обозначенном выше контексте (в рамках теоретического различения непосредственных и опосредованных человеческих отношений, а последних — как отношений, с одной стороны, “произвольных”, а с другой — “целесообразных”, опосредствованных) социальный круг можно рассматривать как условную (по определенному параметру), более или менее замкнутую линию, которая, на фоне произвольных отношений между людьми, объединяет и разделяет их в социальном пространстве. Отсюда стратегия поиска эмпирических референтов того или иного социального круга меняется и будет состоять прежде всего в том, чтобы обнаружить показатели таких произвольных отношений, которыми каждый из нас ограничивает себя, идентифицируя себя с одними и отмежевываясь от иных. Здесь принципиально важно, что мы ограничиваем себя сами, хотя далеко не всегда сознательно.

Способом выявления того или иного круга, или социальным параметром выделения определенных социальных кругов могут быть, в частности, соответствующие социальные характеристики самих индивидов как носителей собственных идентификаций или ограничений. Тогда социальный круг становится произвольным объединением людей, реально задействованных или предположительно (див.: [3]) могущих быть задействованы прежде всего в опосредованных взаимоотношениях (по тому или иному параметру), что отличает их от тех, с кем отношения приобретают или непосредственный, или опосредствованный характер (опять же, по определенному параметру). Причем, в отличие от опосредования, опосредствование будет всегда связано не с самоограничением, а с ограничениями извне.

Имея в виду, что социальные круги не создаются, а спонтанно возникают, их можно, во-первых, процедурно выделить как определенные более или менее замкнутые линии человеческих связей и границ, образующихся между людьми реально или предположительно. Это произвольные отношения индивида (по определенному параметру), которые следует процедурно отделить от отношений целесообразных по тому же параметру.

С другой стороны, социальные круги возникают, как правило, через реальное или мысленное посредничество иных людей данного социального круга (посредничество всегда в определенной мере освоенное), поэтому отношения в рамках “социальных кругов” нельзя свести к прямым. Разумеется, каждый, кто себя относит к тому или иному социальному кругу, условно говоря, проводит вокруг себя этот круг или включает себя в него, идентифицируя себя с этим кругом людей, и начинает “смотреть” на остальных сквозь призму этой идентификации так же, как иные видят этого индивида принадлежащим к указанному кругу. Впрочем, поскольку принадлежность к опре-

деленному социальному кругу не может ограничиваться непосредственными контактами, то нужно учитывать и возможные непрямые контакты по определенному параметру или критерию.

В отличие, скажем, от семьи, которую можно, под этим углом зрения, охарактеризовать как предельную внутреннюю линию произвольных человеческих отношений, “круг” оказывается предельной внешней линией этих (опосредованных) человеческих отношений, границей освоенного опосредования (что принципиально отличает его от отношений опосредствования), за которой отношения приобретают, как правило, неконтролируемый характер и трансформируются в отношения системного опосредствования. Следовательно, “социальный круг” (если вспомнить концепцию Тенниса) можно интерпретировать как предельную разновидность общности (Gemeinschaft) в пределах дифференциации общества (Gesellschaft) в целом.

Подчеркнем, что исходя из сказанного выше, социальный круг нельзя однозначно охарактеризовать ни как “естественное”, ни как “искусственное” образование, ни как сугубо эмоционально или сугубо рационально обусловленное, хотя эти характеристики, при определенной интерпретации, можно рассматривать (всегда в конкретном смысле) как эмпирические референты соответствующих социальных кругов.

Например, в отношении “круга филателистов” нельзя сказать, что он возникает исключительно благодаря такой общей цели, как собирание марок, хотя именно по этому параметру мы выделяем указанный круг людей. Имеется в виду, что каждый представитель этого круга собирает марки (вещевой элемент взаимоотношений) отдельно от других. И в отношении каждого отдельного филателиста будет некорректно говорить, что целью каждого из них является только собирание марок. Такое социальное образование, как круг филателистов, возникает спонтанно, и уже мы выделяем его на основе указанного параметра (собирание марок) как социально значимый. Поэтому они образуют определенный социальный круг людей, в рамках которого происходит самоидентификация путем взаимного признания в отношениях с другими людьми — теми, кто марок не собирает. Вместе с тем, обмениваясь марками между собой, филателисты поддерживают также отношения опосредствования, что является хотя и важной, но не решающей особенностью этого социального кола. “Круг филателистов”, как и другие предельные произвольные социальные связи людей, образуется не через сам по себе обмен (марками), а прежде всего посредством соответствующих форм коммуникации, связанных с некоторым увлечением, обуславливающим обмен. Ведь обмен могут осуществлять не только филателисты, но и те, кто просто зарабатывает на увлечении других.

Это означает, что эмпирический анализ таким образом интерпретируемых социальных кругов будет основываться на теоретическом различении в них не “естественного” и “искусственного” компонентов, а именно опосредования и опосредствования как различных схем коммуникации, независимо от того, с чем мы имеем дело — с так называемыми реальными или ментальными структурами, с отношениями, построенными на эмоциях или на разуме. Одно и то же “собирание марок” является одновременно и реальным действием, объединяющим людей, а, будучи сопровождаемо соответствующими ментальными актами и действием, включающим эмоциональные компоненты, неотделимые от рациональных. Разумеется, доминирование эмоциональной или, наоборот, рациональной составляющей может быть при этом одним

из показателей различения непосредственных или опосредованных человеческих отношений, с одной стороны, и взаимоотношений опосредствования, с другой стороны, как различных коммуникативных стратегий.

Здесь уместно вспомнить, что сама постановка вопроса о выявлении на эмпирическом уровне неких особых, внутренних ментальных актов, которые бы прямо не транслировались в формы внешнего поведения, с точки зрения бихевиористских подходов, ставит под сомнение научность социологического исследования. Но, с другой стороны, убедительные аргументы приводят и те, кто выступает с противоположных позиций относительно влияния указанного “ментального фактора” на “реальные” отношения между людьми и в целом в плане понимания “социальной реальности”. Это касается прежде всего феноменологической социологии — подхода, в рамках которого сама дихотомия “ментальных” и “реальных” человеческих взаимоотношений справедливо ставится под сомнение.

Концепция “социального опосредования” дает возможность, по крайней мере абстрагируясь от такого различия, выбирать эмпирические показатели тех или тех социальных кругов, исходя из конкретной ситуации отдельного исследования, сравнивая их, конечно, с определенной мерой условности. Тогда те “ментальные” и “реальные”, “эмоционально” и “рационально” окрашенные эмпирические показатели “социальных кругов” будут представлять собой лишь референты определенных особенностей самих этих кругов, как таковых, являющихся обычно теми мысленными линиями, которые, однако, реально, то есть практически, в каждой конкретной ситуации общения с другими проводит индивид или выделяет исследователь, опираясь на тот или тот параметр. Можно сказать, что люди ведут себя так, как если бы эти линии “физически” существовали для них. Исследователю остается только зафиксировать эти линии, обнаруживая, с одной стороны, ментальные (эмоциональные и рациональные), а с другой — реальные структуры в их совпадениях и расхождениях.

Важно, что эти линии реально определяют характер человеческих отношений, способы коммуникации, отношение людей друг к другу. Это “**социальные линии**”, которые можно обнаружить через соответствующие социально обусловленные референты, показатели, разработав соответствующие процедуры их измерения.

С другой стороны, теоретическая определенность таких “социальных линий” (поскольку речь идет о круге, то вокруг индивидов-личностей или определенных их характеристик) дает возможность рассмотреть не только отношения между людьми с точки зрения их общего действия, направленного на достижение определенного результата, цели, но и само это общее действие в его внутренней обусловленности определенными правилами, усвоенными людьми. Такое видение помогает не только исходить в исследовании повседневных жизненных ситуаций из действия, но и объяснять само это человеческое действие как процесс, опираясь, например, на общее понимание коммуникативных стратегий в пределах жизненного мира (нем., *Lebenswelt*), как это делает А.Шюц (см., напр.: [18]).

Обобщим возможности трактования понятия “социальный круг” в свете теоретической концепции социального опосредования.

1. При такой теоретической интерпретации понятия “социальный круг” его характеристики (спонтанность, образование, превалирование эмоциональной составляющей и т.п.) перестают играть роль “метафизических ос-

нований” виделения социальных кругов как социальных образований или способов коммуникации. Акцент переносится на иные существенные характеристики, в частности произвольность в отличие от целесообразности в рамках концептуального различения опосредования и опосредствования. В теоретическом плане это определяет социальные круги как социальные линии, объединяющие и разграничивающие людей в обществе по определенным параметрам.

2. Приведенная выше трактовка социальных кругов позволяет избежать чрезмерного упрощения, в частности отождествления реальных и ментальных структур, реальных и вербальных выборов респондентов, в операционализации этого понятия. Указанные различия дают возможность построить адекватную стратегию операционализации понятия “социальный круг” в рамках разработки соответствующей программы конкретного социологического исследования.

Литература

1. *Питич О.* Понятие “социальный круг” в истории социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 100–109.
2. *Питич О.А.* Соціальне коло в поняттєво-категоріальному апараті соціології // Соціальні виміри суспільства. — 2002. — Вип. 5. — С. 195–209.
3. *Питич О.А.* Соціальні кола як “уявні спільноти” // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки. — 2005. — № 4.
4. *Тьоніс Ф.* Спільнота і суспільство. — К., 2005.
5. *Питич А.І.* Теорія “соціального опосереднення” та принцип “утримання від дії” в контексті пошуків “нового типу раціональності” // Sententiae. — 2004. — № 1. — С. 327–333.
6. *Питич А.І.* “Теорія соціального опосереднення” як різновид філософської позиції “постмарксизму” (методологічний аспект) // Цінності громадянського суспільства і моральний вибір: український досвід. — К., 2006. — С. 232–244.
7. *Питич А.І.* Дихотомія “організації” та “самоорганізації” у світлі концепції “соціального опосереднення” (методологічний аспект) // Культурний контекст соціальної самоорганізації. — К., 2006. — С. 125–133.
8. *Питич А.І.* “Діяльність” та “утримання від дії” як альтернативні регулятиви або різні “парадигмальні концепти” соціальної теорії // Практична філософія. — 2007. — № 1 (№ 23).
9. *Маркс К., Енгельс Ф.* Твори. — К., 1980. — Т.42.
10. *Тенніс Ф.* Общество и общность // Теоретическая социология : Антология : В 2-х ч. — М., 2002. — Ч.1.
11. Словник української мови. — К., 1974.
12. *Хабермас Ю.* Техника и наука как “идеология”. — М., 2007.
13. *Питич А.І.* “Соціальна техніка” і технологія в контексті “теорії соціального опосереднення” (термінологічний аспект постановки проблеми) // Дні науки філософського факультету-2006 : Матеріали доповідей та виступів. — К., 2006 — С. 53.
14. Социология вещей : Сборник статей. — М., 2006.
15. *Йоас Х.* Креативность действия. — СПб., 2005.
16. *Верч Дж.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. — М., 1996.
17. *Колесов Д.В.* Общество (психология связей и отношений) : Учебное пособие. — М., 2003.
18. *Шюц А., Лукман Т.* Структуры життєсвіту. — К., 2004.
19. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. — С. 124–135.